

Иван Лезнин

РОДНИК ЖИВОТВОРНЫЙ

Художник Аркадий Пластов, чье лучезарное искусство составляет национальную гордость России, при жизни удостоенный самых высоких званий и наград, до конца своих дней был простым, душевным, трудолюбивым человеком. Таким он остался в памяти многих и многих. Тех, кто знал его с детских лет, близких земляков - «прислонцев». Но таких не осталось в живых, как и его столичных друзей-художников. Поэтому пришла пора всякое достоверное воспоминание о нем собирать и беречь. Они еще свежи у тех, кого увековечил он в своих многочисленных рисунках. Надо помнить, что даже несомненная истина, с годами обрстая домыслами, становится сомнительным правдоподобием. «Любая память угасает, как свеча, в потемках старости» - так сказал однажды Аркадий Александрович. Для меня встречи с ним незабываемы, как счастливый период жизни длиною в двенадцать лет. Но встречаясь с ним много раз, я ни разу не делал хотя бы кратких записей разговоров, не датировал их. Каюсь в том и считаю такое невосполнимым упущением. Потому что сама по себе разговорная речь Пластова была неподражаема своей образной простотой.

Задумчивый собеседник, страстный полемист в спорных вопросах искусства, он был всегда искренен в своих суждениях.

Лишь один раз мне пришлось слышать Аркадия Александровича с трибуны (кажется, на съезде художников). Он не был оратором в академическом смысле, но буквально с первых слов, что называется, «захватил аудиторию». Обостренный интерес, одобрительное оживление в зале, дружное рукоплескание - лучшее тому доказательство.

В кулуарах во время перерыва был в окружении «братьев по искусству». Особенно к нему тянулись художники из провинций. Держался он с той естественной непринужденностью и тактом, что делают привлекательным в лучшем смысле этого слова. Нельзя ни подивиться его уважительности и вниманию в обращении к женщине. Наблюдая за умением его «целовать ручку даме», можно было только удивляться. Откуда такое естественное совершенство у выходца из крестьянской среды? В чем секрет той непринужденности и культуры поведения, что не всегда и не всем давались воспитанием.

Пластов был во всем аккуратным человеком. Любая одежда сидела на нем ладно и опрятно, будь то выходной костюм или повседневная косоворотка. Постоянно имея дело с красками, он был чистоплотен и мастерскую держал, несмотря на тесноту, в порядке. Впрочем, приходилось от него слышать: «Тут у меня в мастерской, как в амбаре...» На самом деле в мастерской у Пластова все было на своем месте, все под рукой.

После кончины Аркадия Александровича многие

любопытства ради спрашивали иногда: «Правда ли, что на могиле Пластова крест? Верил ли он в Бога?» Как известно теперь, время ответило на первую часть вопроса. Он погребен со всеми почестями православного ритуала как христианин. На второй вопрос утвердительно ответить сложнее. Мне не приходилось видеть его молящимся перед образами. В просторечье он частенько обращался к Всевышнему, вроде «Упаси Бог!», «Бог знает что!» Конечно, восклицания эти ни о чем не говорят. А вот верность христианским заповедям, его богоугодные деяния, постоянная готовность подать руку помощи человеку в беде дают основание считать Аркадия Александровича глубоко верующим.

Более того, я не встречал человека, который бы, как Пластов, свято уважал чувства Верующих. И не только уважал, но и защищал их права, что в ту пору было далеко не безопасным делом. Тому, что остов сельской церкви сохранился до начала реставрации, верующие Прислонихи обязаны не в малой степени Аркадию Александровичу. В доме его всегда соблюдались все религиозные праздни-

ки. Глубоко верующая супруга его Наталия Алексеевна соблюдала все предписания пятого календаря и чтит образы. «Нянька Катя (Е.В. Шарымова) с детских лет набожная, воплощала в жизнь «праздники Христовы» молитвой и своим редким по исполнению искусством кондитера. Библейские истины, изречения апостолов Пластов помнил с детских лет, когда еще учился в Симбирской духовной семинарии. «Э-э-э, брат! То была зубрежка. Лишь позднее начал я пони-

А. Пластов среди героев своих картин

мать, что к чему...» - признавался он, советуя почитать мне Библию. И если бы не его совет, так бы и считал этот свод вечных мудростей «книгой мракобесов».

Но было лишь одно божество, которому поклонялся художник, беззаветно веруя ему и всем жертвуя, - это любимое им искусство.

Книга в доме Пластовых издавна была и остается в особом почете. Карамзин, Жуковский, Пушкин, Толстой, Бунин... С классиками отечественной прозы и поэзии соседствуют великие писатели античной литературы и Запада. И, конечно, книги о великих мастерах искусства. Как живого, вижу и теперь Аркадия Александровича за чайным столом. После прочтения Николаем вслух чеховской «Дочери Альбиона», до слез посмеявшись, Аркадий Александрович растроганно признавался: «Знаете, Чехов для меня всегда мил и симпатичен!» Он сердцем чувствовал тонкий чеховский юмор и, видно, знал любимого писателя «от корки до корки». Чтение для него было не только «усладой» после напряженного творческого дня, «потребностью души», но и необходимым для иллюстратора книг этапом в творчестве.

Общезвестно, как велик вклад Пластова-иллюстратора в литературную классику. Это Пушкин и Гоголь, Л. Толстой и Горький, Кольцов и Некрасов, Пришвин и Г. Успенский... А какое мастерство, какое проникновение в образ. Иллюстратор Пластов по праву стоит в ряду этих имен. А как хороши его иллюстрации к русским народным сказкам и книжкам для детей! Как же страстно надо любить и столь проникновенно знать литературу, чтобы так много сделать для нее?!

Коснувшись лишь одной ветви могучего пластовского дарования - книжной графики, не умолчишь о главном, в чем он воистину велик. Теоретики, искусствоведы, писатели немало потрудились, исследуя творческое наследие художника. Но их коллегам из будущего предстоит сделать куда больше, чтобы объективно оценить уникальное искусство Пластова, раскрыть общечеловеческую суть и всю значительность этого явления.

Всякий раз, бывая в Пластовской галерее, я заново испытываю чувства, подобные тем, что испытывает путник у источника после утомительного перехода. Здесь невозможно оставаться равнодушным созерцателем. Солнце. Воздух. Вода. Земля-кормилица. Хлеб... Все это у Пластова слилось в единое философское понятие - Жизнь.

Думаем в названия произведений, по праву именуемых шедеврами искусства. Это - «Весна», «Юность», «Жатва», «Деревенский март», «Мартовское солнце», «Ужин трактористов». Всего невозможно перечислить.

Как невозможно читателю по названиям представить со всей ясностью то, что надо обязательно видеть. «О том, что нужно видеть, пересказать словами удается не всякому. Часто такой перевод «кургузым получается». Это слова Аркадия Александровича.

Надо ли в его искусстве отыскивать периоды расцвета, становления, увядания и т.д.? Думаю, не следует. Это тот редчайший случай, когда вдохновение, творческий темперамент

были у художника неугасимы до конца дней. И, глядя на его произведения, невозможно определить, в каком возрасте и в каких годах создавались они. Процесс творчества у Пластова был органической потребностью души и шел непрерывно. С годами недюжинный его талант крепчал, поражая совершенством мастерства, мудростью замыслов, выразительной простотой композиции.

Преклоняясь перед шедеврами Великих стариков, в никому неведомой ранее Прислонихе Пластов и сам умножал славу России, создавая произведения, удостоенные наивысшего признания на зарубежных выставках.

Общезвестно, Прислониха и Пластов - одно целое. Он не лукавил, признаваясь: «Прислониха для меня - это все!» Убедиться в этом проще простого. И вся жизнь родного села зримо высвечена, поэтически воспета, увлекательна, как никакое иное захолустье России. Аркадий Александрович любил своих земляков. И более всего любил детей... «Знаете, перед детишками я никогда не смогу закрыть дверь в мастерскую, как бы я ни был занят... Как знать? Может быть, это посещение кое у кого из них упадет в душу. Изменит к лучшему судьбу...» - признавал-

ся он с теплотой в голосе. Он умел с этим народом ладить, о чем говорят и многочисленные детские портреты. А уговорить позировать непоседливых натурщиков - ой, как непросто. Неравнодушен был и к «братьям нашим меньшим». Животный мир в творчестве Пластова - это неотъемлемая часть человеческого бытия.

Сколько же дано от Бога этому человеку, чтобы за одну жизнь сотворить такое обилие работ... И каких!

Однажды в разговоре по телефону спросил меня, чем занимаюсь. Отвечаю, как есть, хотя предчувствую нелестный для меня вывод на этот счет. Я рассказал, что, выполняя поручение своего правления, готовлю к сроку очередной номер стенгазеты, что я, мол, ответственный редактор, и т.д. Чувствую, трубка словно накалилась. «Это ты серьезно?! Это же явное разбазаривание времени, мил человек... Такая благодать - погода на дворе! И заниматься этим никому не нужным делом...» И, как бы смягчая свою резкость и мое уныние, Аркадий Александрович продолжал: «...Вот что. В конце жизни с тебя никто не спросит, сколько ты стенгазет выпустил и к какому сроку. Спросят, что ты сделал полезного, что оставишь после себя людям...».

Терпимость к человеческим слабостям, верность слову, обещанию, сострадание, личное обаяние, чувство долга и благодарности - вот черты облика Пластова, который остался в моей памяти. Запомнилось сказанное им: «Жизнь прожить - не поле перейти... нет-нет и споткнешься... оплошности у каждого свои. Они неизбежны. Бывает,

делаешь человеку во благо, а он зло видит в этом». В продолжение разговора спрашиваю, что-де слышал от художников, будто бы он на заседаниях Выставкома, на Худсовете бывает очень строгим к одним и снисходительным к другим. Оживившись, отвечает: «Поддерживать человека надо. Он старался изо всех сил. И это видно по работе. А какой толк принимать слабую попытку бездельника?! Явно видно - пирог недопеченый. А он спешит подать его к столу. Авось, съедят... А у него еще все впереди. Если

поймет, почему Пластов его «зарезал» - спасибо скажет». Художник Пластов был скуп на похвалу. Чаще это были доброжелательные советы, товарищеские пожелания: «Посмотрите вот тут и тут», «Проверьте по натуре», «Уточните цвет», «Есть смысл еще поработать». Это было не менторство, а ориентация на предельную самостоятельность. Это придавало решимости начать все заново и веру в собственный успех.

Нам, симбирянам-ульяновцам, надо любить и знать Аркадия Александровича Пластова. Он для нас - как Пушкин для Москвы, Толстой - для Тулы, Шалапин - для Казани, Суриков - для Красноярска, Васнецовы - для вятичей. Пластов - явление в русской культуре, не подвластное никаким социальным потрясениям. Никакие супермодные течения в искусстве не затмят вечный источник его чарующего творческого наследия.

Когда журнал готовился к печати, ушел из жизни заслуженный художник России Иван Васильевич Лежнин, друг А.А. Пластова, добрый, чистый человек. Редакция скорбит о смерти И.В. Лежнина и выражает соболезнование всем друзьям и близким художника.